

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ

УДК 316.05

ИЗМЕНЕНИЕ В ПРОЦЕССАХ СОЦИАЛЬНОГО ПРОИЗВОДСТВА НАЦИОНАЛЬНЫХ И РЕГИОНАЛЬНЫХ ЭЛИТ

© 2010 г. В. И. Бондаренко

*Шахтинский институт (филиал) Южно-Российского государственного
университета (Новочеркасского политехнического института)*

Статья посвящена актуальной социологической проблеме социального производства и воспроизводства национальных и региональных элит в контексте реформ российского социума. Выявлены основные способы формирования элит в их связи с процессами дифференциации общества и этнической стратификации. Проанализированы тенденции «нового регионализма» в рамках взаимодействия регионов с центром.

Ключевые слова: социальная элита; региональная элита; национальная элита; этничность; социальное пространство; этническая сегментация; титульные этносы; элитология; институциональные и культурные элиты.

The article analyzes an actual sociologic problem of national and regional elites' social generating and reproduction in a context of Russian society's reforms. Some basic ways of elites' formation and this formation's relations to processes of society's differentiation and ethnic stratification are also shown in it. Nowadays tendencies, which exist in regions' interaction with the country's core, are analyzed too. We name these tendencies «a new regionalism».

Key words: social elite; regional elite; national elite; ethnic belonging; social space; ethnic segmentation; title ethnoses; elitology; institutional and cultural elite.

Всякое дифференцированное и сложно структурированное общество формирует особые позиции доминирования – социальную элиту. Люди, занимающие эти позиции, символически и практически определяют действия и положение других социальных групп [1]. Элиты, принимая стратегические решения, определяют путь развития общества, его перспективы. Но характер существующих в этом обществе элит, способы ее производства определяет тип существующего общества.

В ходе реформ 90-х годов была принята попытка полномасштабной трансформации не только номенклатурного при-

нципа, но и традиционной для России модели элитообразования. Но большинство элитологов подчеркивает преемственность и воспроизводство в современной российской элите некоторых базовых номенклатурных характеристик и черт. К началу 80-х годов советская номенклатура была далека от монолитности сталинской номенклатуры. По мнению О. Гаман-Голутвиной «номенклатура представляла собой «выеденное яйцо», под оболочкой которого сложились ... кланы и корпорации, которым было явно тесно в ороговевшей оболочке и которые ждали своего часа для конверсии накопленных разнообразных ресурсов (финансовых, симво-

лических, политических и т. п.) в реальную политическую власть или экономический капитал» [2]. Номенклатурная приватизация конца 80-х – середины 90-х годов осуществила ожидаемую процедуру конвертации «при сохранении и многократном умножении полученных ранее за службу привилегий» [2]. Сформированная таким способом бизнес-элита не могла стать ни классом эффективных собственников, ни субъектом модернизации российского общества. Основная активность российской элиты направлялась в сторону поисков административной ренты, поэтому основные конфликты разгорелись в отношении экономических ресурсов, суливших наиболее весомую ренту сырьевые отрасли и транзитные ресурсы. Так, регионы, оказавшиеся на пути следования «большой каспийской нефти», вступили в борьбу за тот или иной проект строительства трубопровода, демонстрируя рентоориентированное поведение. Оказалось, что для региональной элиты нефть «стала большим благом, чем иные доступные альтернативы» [3].

Дальнейшая трансформация элит привела к формированию консолидированной бюрократии, сращенной с крупным бизнесом. Возвышение бюрократии, по мнению О. Гаман-Голутвиной, «не тождественно укреплению позиций государства, а представляет собой усиление политических позиций аффилированной с государством группы элиты» [3]. С ней солидаризируется В. В. Вольчик, утверждая, что в России формируется институциональная структура, характеризующаяся «сильным регламентирующим влиянием государства, которое существенно зависит от элитарных групп, получающих привилегии различного рода» [4].

Вместе с тем, в ходе реформ значительно изменилась система социального производства элит. В начале 90-х годов российская элита становится более открытой: «наряду с прежней системой гильдий впервые получила распространение антрепренерская система, более соответствующая процессу демократизации российского общества» [5]. Важнейшей процедурой рекрутирования элит становятся выборы органов власти. И хотя в дальнейшем элиты утрачивают прежнюю открытость, усиливается подконт-

рольность выборов, отмечается закрепление доминирующих кланов во власти, тем не менее, в начале 90-х годов происходит сдвиг в сторону элитного плюрализма, предполагающего существование множества элит и центров власти.

В этом плане важнейшей новацией постсоветской России является формирование региональных элит. Номенклатурный характер советской элиты исключал ее региональность. Основными принципами функционирования советской номенклатуры выступали географическая мобильность и внутренняя ротация. От кандидатов на повышение в номенклатурной системе требовался опыт работы в разных регионах страны и частое изменение сферы деятельности [6]. Обычная карьера напоминала челночное движение «столица-регион» с постоянным повышением статуса: учеба и работа в регионе – учеба в Москве – работа в должности в региональных структурах – вызов в Москву и работа 1–2 года в ЦК КПСС – возвращение в регион на должность первого секретаря обкома КПСС, причем переброска осуществлялась из региона в регион, из одной управленческой сферы в другую. «Укрепление экономических факторов развития не могло не придавать больший, чем раньше, политический «вес» субъектам, персонифицировавшим идущие снизу импульсы развития. Это нашло отражение в росте политических полномочий отраслевых и региональных субэлитных структур в рамках партийно-хозяйственной номенклатуры» [2].

Выборы в региональные органы власти и приватизация, приведшая к оформлению плюрализма собственности (за счет распределения собственнических полномочий на федеральный, региональный, муниципальный уровни), выступили механизмом формирования региональных элит. Региональная власть получила доступ к многообразным ресурсам, за счет которых формировались региональные элиты. Речь идет не только об объектах собственности, но и о широком наборе материальных и нематериальных средств, которые обеспечивают социальным акторам преимущества над другими участниками социальных взаимодействий, о любых способах, которые могут быть использованы политическим субъек-

том для подчинения объекта своему влиянию [7]. Вопрос о ресурсах региональной власти подробно исследован в серии работ А. Чириковой и Н. Лапиной на материале эмпирических исследований. Опираясь на их исследования, уточним ресурсы, которые обеспечили региональной власти преимущества и усилили их влияние.

Важнейшим источником возвышения региональных элит в начале 90-х годов становится собственность и контроль над процессом ее распределения. Именно региональная власть определяла круг претендентов на собственность в процессе приватизации, осуществляла отбор кандидатов на роль крупнейших собственников, в условиях законодательных пробелов определяла темпы и условия рыночных реформ. Региональная власть выступала основной инстанцией, распределяющей субсидии и кредиты промышленным предприятиям. Во многих регионах именно региональная власть не допустила закрытия крупнейших предприятий, оказывая им государственную поддержку. К ресурсам влияния региональной власти можно отнести предоставление налоговых льгот, систему государственного и социального заказа и т. д. Административный ресурс региональной власти формировался на основе прописанных в законе полномочий и возможностей, возникающих в результате провалов дезинтегрированного российского нормативно-правового пространства. Ряд прав был присвоен региональными руководителями. Региональные отделения федеральных ведомств были неформально включены в систему местной и региональной власти. То же самое произошло и с региональными отделениями политических партий: их возглавили региональные лидеры или члены команды. Кроме того, была возможность создавать собственные политические движения, и она реализовывалась в ряде регионов в полной мере. Таким образом, региональные элиты становились в ходе структурирования регионально-политико-экономического пространства.

Усиление региональных элит связано с процессами ослабления государственной власти и активной политической борьбой на федеральном уровне в начале 90-х годов. Центр был занят политической борьбой. На

региональный уровень сбрасывались все проблемы выживания территорий, которые при двукратном спаде промышленного производства и четырехкратном сокращении инвестиций не могли не привести к коллапсу систем жизнеобеспечения населенных пунктов, сбоям в транспортном сообщении и крупным социальным катаклизмам. Тем не менее, этого не произошло. «Одним из наиболее важных факторов, если не самым важным, позволившим национальной экономике избежать коллапса, – считает В. И. Иншаев, – стала административная и хозяйственная деятельность региональных органов государственной власти. В сущности, регионы явились основным конструктивным противовесом неадекватной макроэкономической политике». Стратегию выживания каждая российская территория выработывала самостоятельно. Региональная власть решала проблемы жизнеобеспечения более или менее успешно, за что заслужила доверие населения. Региональная элита получила ресурс, который можно было использовать в борьбе с федеральным центром, угрожая курсом на суверенизацию, вплоть до выхода из Федерации (по примеру союзных республик). Политическая сила региональной элиты оценивалась по ее способности противостоять «московскому» вмешательству, а популярность во многом объяснялась отстаиванием (действительным или мнимым) регионального интереса.

Жесточайшая политическая борьба между ветвями власти, различными кланово-корпоративными группами и необходимостью поддержки вынудили Ельцина пойти на компромисс с усилившимися региональными элитами. Большинство из них не пошли на конфронтацию с федеральным центром (возможно, из чувства самосохранения) и не декларировали региональный интерес слишком явно. Но определенные выгоды, прежде всего в плане контроля над транзитными и сырьевыми ресурсами, от борьбы двух ветвей федеральной власти региональные руководители получили. Причем в отличие от территориальных образований, главы исполнительной власти которых назначаются президентом (в просторечье губернаторы), главы национальных автономий (президенты республик) избирались и были менее

зависимы от центральной власти. Отсюда более тесные контакты Б. Ельцина с лидерами национальных автономий, политика уступок в обмен на поддержку режима. Таким образом, торг и взаимное попустительство становится базой консолидации центра и регионов при Ельцине, ресурс этнонациональной мобилизации – одним из мощных ресурсов региональных элит.

В современном сложно дифференцированном обществе элита не является монистической. Даже внутренне интегрированная, сплоченная, консолидированная элита, обладающая общими взглядами и образом жизни, тем не менее, представляет различные социальные сектора, ветви власти, производственные отрасли и т. д. Когда речь заходит о полиэтническом обществе, неизбежна постановка вопроса о существовании национальной элиты. Исследователи этнической стратификации, разделяя общества на ранжированные и неранжированные системы, выделяют разные типы национальных элит. В ранжированных по этностатусному принципу обществах национальной элитой может являться доминирующее этническое меньшинство или же национальная элита формируется из представителей этнического большинства. В неранжированных этнических обществах каждая из этнических групп включает полный набор статусных позиций, выделяемых по социально-экономическим и по политическим критериям. В таких группах выделяется собственная политическая элита, выступающая легитимным представителем интересов этнической группы. Там, где жесткая связь между статусной позицией и этнической принадлежностью отсутствует, этническая элита не имеет социального и политического смысла, хотя культурные функции национальной элиты как хранителя этнической культуры и культуртрегера остаются.

Какова роль и механизмы производства национальных элит в российском обществе? Несмотря на этничность как один из основных способов организации социального пространства, российское общество не является «глубоко разделенным» или «плюральным» в понимании Д. Горовица. В нем отсутствует резкая этническая сегментация, как впрочем, и препятствия для социальной

мобильности по этническому принципу. Как было сказано ранее, номенклатурный принцип формирования элит препятствовал формированию региональных элит (они были «временно региональные» до очередных кадровых перестановок). Но это не означало полное отсутствие национальных элит в Советском Союзе. Первый секретарь республиканского ЦК КПСС в обязательном порядке не был русским (им был второй секретарь, ответственный за идеологию). Для представителей различных этнических групп утверждались квоты в органы власти, квоты для поступления в высшие учебные заведения. Соблюдался принцип представленности титульных этносов среди профессорско-преподавательского состава учебных заведений. Т. е. создавались дополнительные каналы вертикальной мобильности для представителей этнических групп при отсутствии запретов на мобильность (исключение – явные и неявные манипуляции еврейским этническим статусом). Но этничность как принцип формирования политической элиты не был институционализован, хотя в престижных видах деятельности отмечалось нарастание конкуренции между титульными национальностями и русскими [8]. Согласно результатам переписи 1989 г. коэффициент вариации между титульными национальностями республик по доле работников высококвалифицированного умственного труда составлял 33%, в то время как по доле рабочих средней и низшей квалификаций – только 17–18% [9]. Произшедшая в 90-е годы институционализация этничности, превращение ее в социальный ресурс и ценность, обусловлена рядом факторов, среди которых важнейший – усиление роли этических характеристик в процессах рекрутирования «во власть». В результате выборов изменился этнический состав органов власти в ряде субъектов федерации.

Российский элитолог А. В. Дука полагает, что при всех институциональных порядках существуют две параллельные элиты (иногда совпадающие в персональном составе), которые условно можно назвать «институциональной» и «культурной» элитами [1]. Речь идет не столько о профессиональной принадлежности, хотя культурная элита задает тон в искусстве, журналистике, науке,

спорте и т. п., сколько о способах производства и воспроизводства этнической границы. Институциональная элита структурно стабилизирует социальную активность определенных акторов, культурная – предлагает модели духовно-символической интеграции. Именно этнокультурная элита задает способы актуализации и легитимации этничности тем, что формулирует критерии этногрупповых различий, обобщает события социально-этнической жизни и истории, влияет историческую память, формирует настроения.

Этнокультурная элита задает идейные ориентиры национальному движению, в то время как рекрутирование исполнителей этнического насилия производится из народных масс. Лидеры национального движения выступают символическими фигурами, вокруг которых мобилизуются сильные этнические чувства.

Элитолог А. В. Дука считает, что исследование элит российского общества должны учитывать «состояние субобщества», «качественную определенность территориальной общности» [1]. В многоэтнической России существуют регионы, в которых существуют или даже доминируют нормы отношений и деятельности, далекие от образца модернизации.

Национальные элиты регионов по своим качествам и уровню сознания были более модернизированы, чем основная масса, хотя бы потому, что обучались и работали до распада Союза в современных учреждениях и организациях. Многие занимали высокие должности в административных структурах. Тем не менее, национальная элита сделала ставку на традиционность, как нам кажется, по следующим причинам. Во-первых, популистское противопоставление региона центру. Идейным обоснование реформ было движение общества «вперед» по пути модернизации. Поскольку основной задачей этнорегиональной элиты было обоснование разрыва с федеральным центром, привычно ассоциированным с русскими как этническим большинством, то этнокультурная элита переориентировалась на традиционность, и даже архаику. Во-вторых, обращение к национальным традициям выступает наиболее простым, понятным и очевидным обоснованием этнического своеобразия как основа-

ния для суверенитета. Второй момент: общинная система жизни. Не государственная – а общинная.

Но при этом противопоставление общероссийскому нормативному пространству не является абсолютным. Н. Лапин подчеркивает доминирующую тенденцию социетальной трансформации российского общества – традиционализацию социальной жизни [10]. Традиционные нормы и даже архаика свойственны всему российскому обществу. «Русские» регионы, может быть не столь резко, как другие, но все же насыщены традиционностью, которая усилилась в переходный период. Ценностный, идентификационный вакуум, возникающий в трансформирующемся обществе, усилил стремление к архаике и традиционным основаниям социальной жизни, что проявилось в доверии к максимально «традиционным» институтам армии и церкви. Оба института представляют собой «модель управляемого и несоревновательного коллектива», «фигура главы подобной иерархии» – «символ недифференцированной силы» [11]. Этим объясняется феномен лидерства людей, так или иначе связанных с указанными институтами – представителей армии (генералы Дудаев, Аушев, муфтий А. Кадыров и т. д.). Кроме того, власть в традиционном обществе в большей степени персонифицирована, чем институционально-властные структуры модерна, что подтверждает рост доверия к институту Президентства после избрания В. В. Путина, стабилизация обстановки в Чечне происходит после назначения указом В. В. Путина в июне 2000 г. на пост главы Временной администрации А.-Х. Кадырова.

Рассмотренные выше тенденции становления региональных и национальных элит характерны в большей степени для 90-х годов. Но уже в начале 2000-х годов наглядно проявились другие тенденции. Исследователи отмечают сужение круга претендентов на региональную власть, нарастание «замкнутости» управленческих команд. «Механизм этой нарастающей замкнутости – все большая зависимость избирательных технологий от величины финансовых ресурсов, а, следовательно, нарастание избирательности попадания во власть лишь экономически сильных акторов или акторов, распо-

лагающих ресурсом поддержки со стороны исполнительной власти в регионе» [12]. «Место» в элите перестает быть доступным для представителей иных социальных страт, все возможности сосредоточены в руках исполнительной, законодательной региональной власти и региональной экономической элиты. На пути проникновения в региональную элиту новых субъектов выстраиваются жесткие барьеры.

Об утрате элитой функций регионально-го лидерства свидетельствует потеря населением регионов интереса к региональным выборам. Региональная власть все более консолидируется с региональным бизнесом, чтобы противостоять как аутсайдерам, стремящимся во власть, так и для того, чтобы противостоять Центру, стремящемуся подавить альтернативные центры политического влияния.

Эти требования не являлись чем-то экстраординарным, но в условиях ослабления государства они грозили распадом целостности страны. «Новый регионализм» глобализирующегося мира усиливает опасность территориальной деконструкции Российской Федерации, что заставляет обратить внимание на исследование социальных противоречий, возникающих в результате реализации регионально-эгоистических устремлений.

Литература

1. Дука А. В. Исследования элит: поиск теоретических оснований. // Власть и элиты в российской трансформации. –СПб., 2005. – С. 13.
2. Гаман-Голутвина О. В. Политические элиты России: вехи исторической эволюции. –М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2006. – С. 310.
3. Магомедов А. К. Каспийская нефть и геополитика коммуникаций: многоуровневое измерение борьбы за географию и ресурсы на пороге XXI века. // Власть и элиты в российской трансформации. –СПб., 2005. – С. 165.
4. Вольчик В. В. Либерализм и благосостояние. // Либерализм и институциональные преобразования. –Ростов-н/Д, 1997. – С. 28.
5. Элиты и лидеры: традиционализм и новаторство. / Отв. ред. Е. Ю. Сергеев. –М.: Наука, 2007. – С. 17.
6. Крыштановская О. В. Трансформация старой номенклатуры в новую российскую элиту. // Общественные науки и современность. – 1995. – №1. – С. 53.
7. Ледяев В. Г. Власть: концептуальный анализ. –М.: Российская политическая энциклопедия, 2001. – С. 219.
8. Дробижева Л. М. О новом мышлении в межнациональных отношениях. Что делать? В поисках идей совершенствования межнациональных отношений в СССР. –М.: Мысль, 1989.
9. Дробижева Л. М. Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России. –М., 2003. – С. 48.
10. Лапин Н. И. Кризисный социум в контексте социокультурных трансформаций. // Мир России. – 2000. – №3. – С. 8.
11. Дубин Б. В. К вопросу о доверии: элементарные формы социальности в современном российском обществе. // Куда идет Россия?.. Формальные институты и реальные практики. –М.: МВШСЭН, 2002. – С. 193.
12. Латина Н. Ю., Чирикова А. Е. Региональная власть и реформа российского федерализма. // Социологические исследования. – 2001. – №4. – С. 21.

Поступила в редакцию

21 сентября 2010 г.

Василий Игоревич Бондаренко – кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры «Гуманитарные и социальные науки» Шахтинского института (филиала) ЮРГТУ (НПИ). Автор монографии и ряда других публикаций по проблемам международного терроризма и социальной глобализации.

Vasiliy Igorevich Bondarenko – Ph.D., candidate of sociology, head lecturer at «Humanitarian and social sciences» department of SRSTU (NPI) Shakhtinskiy branch. Author of a monograph and numerous other works, dedicated to problems of international terrorism and social globalization.

346500, г. Шахты, пл. Ленина, 1
1 Lenina sq., 346500, Shakhty, Rostov reg., Russia
Тел.: +7 (8636) 22-59-75; e-mail: gsn@itsinpi.ru
